

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ВЛАСТЬ

ЖЕНЩИНЫ

Жемчужины любовного романа

Николай Гейнце

Власть женщины

«Остеон-Групп»

1896

Гейнце Н. Э.

Власть женщины / Н. Э. Гейнце — «Остеон-Групп» ,
1896 — (Жемчужины любовного романа)

Николай Эдуардович Гейнце – русский писатель, журналист, драматург. Автор многочисленных исторических романов, персонажами которых, как правило, являются первые лица государства. Однако еще большую известность Гейнце приобрел как автор любовных романов, пользовавшихся популярностью и выдерживавших неоднократные переиздания. Роман «Власть женщины» это книга о любви и равнодушии, о преданности и коварстве, и о прочих вечных вопросах... Вечное – это любовь и страсть; страсть и любовь. Где же граница между двумя сторонами сильных человеческих чувств? Раньше и сегодня этот мучительный вопрос терзает души людей.

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	15
V	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Гейнце

Власть женщины

Вечное: любовь и страсть; страсть и любовь. Где же граница между двумя сторонами сильных человеческих чувств?

Раньше и сегодня этот мучительный вопрос терзает души людей.

Где черт не сладит, туда бабу пошлет.

Русская пословица

I

Исчезнувший миллион

В полуверсте от города Монако, на высокой скале, возвышающейся над морем, среди почти тропической растительности, в роскошном саду стоит величественное здание казино Монте-Карло – этот храм человеческой алчности к легкой наживе.

От станции железной дороги в казино ведет, высеченная в гранитной скале, широкая лестница.

Перед казино большой двор, посреди которого мраморный бассейн с фонтаном, а по сторонам двора находятся великолепные здания Cafe и "Hotel de Paris", принадлежащих администрации казино.

За казино живописно раскинулись виллы и гостиницы, окаймленные апельсиновыми садами.

По берегу бухты расположен красиво распланированный город, над которым господствует старинный каменный замок, стоящий на высокой скале.

Вид замка чрезвычайно величественный.

Вся местность вообще восхитительна и невольно располагает к неге и наслаждению.

Недаром жажда золота, на которое в наш продажный век можно купить и то, и другое, доходит здесь до неумолимости.

Животворным источником, к которому припадают здесь люди своими воспаленными, пересохшими губами, служит казино.

Расскажем для непосвященных внутреннее расположение и порядок этого храма фортуны современных идолопоклонников.

Всякий входящий в первый раз в казино должен предъявить свою карточку и получить входной билет: суточный, недельный или месячный – смотря по желанию.

Билет выдается бесплатно.

По широкой мраморной элегантной лестнице посетитель входит в огромную с колоннами переднюю, называемую "La salle des pas perdus", по аналогии с залой, носящей такое же название в парижском "Palas de Justice", куда приводили осужденных на смертную казнь преступников, следы шагов которых в этой зале действительно терялись навсегда.

Злая, но верная ирония.

Направо от передней – читальня, дамская уборная, концертный зал и театр, где по вечерам бывают концерты и представления, а налево – игорные залы.

Всех игорных зал – три.

Это огромные, роскошно отделанные комнаты, которые с двенадцати часов дня и до одиннадцати часов вечера кишат самой пестрой и разнохарактерной публикой, съехавшейся со всех концов света.

Вся эта публика толпится вокруг игорных столов и проигрывает миллионы.

В первом зале помещаются два стола, также с рулетками, во втором – три стола с рулетками и в третьем – два уже с "trente et quarante".

При входе в игорные залы больше всего поражает царящая в них тишина, нарушаемая лишь звоном золота, которое собирают после каждого удара крупье специально приспособленными для этого грабелями.

Слышатся, кроме того, возгласы тех же крупье:

– *Faite votre jeu, messieurs!*..

– *Le jeu est fait. Rien ne va plus.*

Кругом каждого стола сидят играющие мужчины и женщины, а кругом их стоят в несколько рядов также играющие, не находящие себе места и принужденные играть стоя и бросать свои деньги на зеленое поле через головы сидящих.

От этой толкотни часто бывают недоразумения из-за ставок и споры между играющими, кончающиеся вмешательством администрации игорного дома, которая всегда старается умиротворить спорящих и часто даже уплачивает обеим сторонам, чтобы прекратить спор.

На каждом столе рулетки, или "trente et quarante" заложен банк в триста тысяч франков, а в случае если его сорвут, то немедленно закладывается опять такой же.

Ставки в рулетку от пяти франков до десяти золотых на номер и максимум на простые шансы пять тысяч франков.

В "trente et quarante" минимум ставка двадцать франков, а максимум двенадцать тысяч франков.

В рулетке тридцать шесть номеров и один ноль, так что всех шансов тридцать семь, но выигравшему на номер платится только в тридцать шесть раз больше его ставки, один же шанс, то есть нулевой, всегда остается в пользу игорного дома.

Вот на этом-то одном шансе и основаны все расчеты и барыши Монте-Карловского игорного дома, дающие ему несколько миллионов дохода в год и позволяющие содержать на его счет князя и его княжество.

Сезон 1893 года, ко времени нашего рассказа уже подходивший к концу, был очень оживлен.

Гостиница "Hotel de Paris" и другие отели Монте-Карло и Монако были переполнены приезжающими.

Большой наплыв играющих был из Ниццы, отстоящей в двенадцати минутах езды от казино Монте-Карло; железнодорожные поезда между этими пунктами ходят ежедневно, что дает возможность жителям Ниццы испытывать счастье.

Героем дня, "homme du joir", выражаясь языком публики Монте-Карло, был "русский князь" Петр Чичивадзе.

Высокий, статный брюнет, с красивым лицом восточного типа, с большими блестящими, как бы подернутыми маслом глазами, он казался человеком, которого природа-мать оделила всеми данными для беспечальной жизни, а потому облако грусти, всегда покрывавшее его лицо, вносило дисгармонию в общий вид блестящего юноши и невольно привлекало к нему внимание как мужчин, так и женщин, посещающих казино.

Многие мужчины сделали с ним знакомство и даже стали его друзьями, не разгадав, впрочем, тайну его загадочной грусти; они узнали лишь, что он человек, не стесняющийся в средствах, прекрасный собутыльник, чем не только не разъясняясь, но лишь затемняясь вопрос.

Что же касается до дам, кумиром, если не чувства, – чувство дамы оставляют за порогом казино, – то чувственности которых сделался "русский князь", то ни одна из них не могла похвалиться оказанным ей им малейшим вниманием.

Многие из посетительниц казино, – не отличающихся вообще строгостью нравов, – заговаривали с ним первые, но он взглядывал на них как-то испуганно и молча отходил, разжигая лишь любопытство.

Это был бы блестящий маневр ловеласа, но князь Чичивадзе был, видимо, искренен в своем почти паническом страхе перед представительницами прекрасного пола.

О нем стали слагаться целые легенды на романтической подкладке – его произвели чуть не в русские Раули-Синяя борода, мучившегося угрызением совести по поводу убийств своих многочисленных жен.

Его восточное происхождение делало эту сказку несколько более вероятной. Как бы то ни было, но "русский князь" был героем сезона.

Вскоре, впрочем, эпитет "русский" заменился эпитетом "счастливый", что еще более увеличило обаяние вечно печального князя.

Он стал выигрывать огромные суммы.

Рассказывали, что князь, по обыкновению, как бы по привычке, а не для игры, приходил в казино, ставил два золотых и, не смотря на результат, прекращал игру. Так было и в день начала его колоссального выигрыша.

Князь поставил на один из столов "trente et quarante" два золотых на черное и стал говорить с одним из подошедших к нему знакомых, не обращая, как всегда, никакого внимания на происходящее за столом.

Он был так увлечен разговором, что, кажется, даже совершенно забыл о ней.

Через несколько минут крупье обратился к нему с просьбой взять лишние деньги, сверх "максимума".

Князь взглянул на стол и увидел на месте, где он положил два золотых, целую грудку золота и банковских билетов.

Во время его разговора черное вышло девять раз сряду, и два золотых превратились в двадцать тысяч четыреста восемьдесят франков.

Он взял часть выигрыша, поставив двенадцать тысяч франков опять на черное.

Черное снова вышло.

Он продолжал снимать после удара выигранные деньги, оставляя максимум, и черное все продолжало выходить и вышло еще одиннадцать раз подряд, так как князь выиграл более полутора тысяч франков.

Такие серии, выходящие на один шанс – не редкость, но редко игроки пользуются ими, снимая свои ставки или переходя на другие шансы.

Красное в этот раз вышло только на двадцать первом ударе, и следующий был опять черный цвет, повторившийся опять четыре раза и давший князю еще четыре максимума, то есть сорок восемь тысяч.

Ему продолжало везти, в этот день он выигрывал почти каждый удар, так что в конце вечера был в выигрыше более трехсот тысяч франков.

С этого дня князь выигрывал почти ежедневно десять, пятнадцать, двадцать, даже пятьдесят тысяч франков. По приблизительному расчету князь Чичивадзе считался в выигрыше ко дню нашего повествования более миллиона франков.

Такой громадный выигрыш, видимо, не произвел на князя совершенно никакого впечатления – он был так же мрачен, угрюм, как и прежде.

Несмотря на это, всю Ниццу, Монако и Монте-Карло поразила весть, что князь Чичивадзе застрелился.

Самоубийства нередки в этом храме Ваала, требующего человеческих жертв, но кончают обыкновенно с собой проигравшие до последнего пятифранковика, да и то подчас, выпрошенного у приятеля, но чтобы застрелился человек, выигравший миллион – это было необычно в летописях Монте-Карло и непонятно его посетителям, для которых жизнь – золото.

Князь Чичивадзе застрелился в зале казино, у того стола "trente et quarante", за которым в такое короткое время ему везло такое колоссальное счастье. Револьвером, направленным в висок, он разmozжил себе голову.

В кармане его платья нашли записку, в которой он просил никого не винить в его смерти, а выигранную в день смерти сумму выдать первому проигравшемуся после его смерти игроку, без различия пола.

Далее он упомянул об оставшихся в его письменном столе в "Hotel des Anglais" в Ницце десяти тысячах франков, которые он определил себе на похороны и для раздачи бедным города Ниццы.

О выигранном миллионе не было сказано ничего. Миллион исчез без следа. В день смерти покойный выиграл тридцать шесть тысяч франков.

II В Ницце

- Вера, ты слышала?
- Что?
- Князь Чичивадзе сегодня застрелился в Монте-Карло, об этом говорит вся Ницца.
- Еще жертва...
- Чья?
- Ее... Чья же.
- А быть может, теперь ты ошибаешься?.. Если это жертва, то жертва Любы...
- Гоголицыной?
- Да.
- Не может быть... Не любовь же говорила в нем?
- Как знать.

Этот отрывистый разговор происходил в день самоубийства князя в одном из комфортабельных номеров "Hotel des Anglais" между вошедшим в номер мужчиной, среднего роста, лет тридцати пяти, с добродушным чисто русским лицом, невольно вызывавшим симпатию, с грустным выражением добрых серых глаз, в которых светился недюжинный ум, и молодой женщиной, светлой шатенкой, лет двадцати пяти, сидевшей в глубоком кресле с французской книжкой в руках.

Это были только что прибывшие из Парижа и остановившиеся в Ницце по дороге в Россию доктор медицины Осип Федорович Пашков и его жена Вера Степановна.

– Он проигрался? – спросила последняя, сделав небольшую паузу после загадочных слов мужа: "Как знать".

– Напротив, он за последнее время выигрывал ежедневно громадные суммы.

Разговаривая таким образом, оба супруга вышли на балкон, выходивший на красивую и широкую улицу "Promenade des Anglais".

День уже склонялся к вечеру, к одному из тех чудных вечеров, какие бывают только на юге. Теплый, полный влаги ветерок дул с моря.

Лучи заходящего солнца золотили темно-синюю гладь моря, сливавшуюся на горизонте с светло-алым небом, как бы переходящим в него по оттенку цвета.

Дневной шум уже стихал, и по почти пустынной улице изредка только проезжал экипаж или проходил прохожий.

Вдруг в конце улицы показалась толпа народа, сопровождавшая карету, медленно ехавшую и конвоируемую полицейскими сержантами.

– Это, вероятно, везут его! – первый догадался Осип Федорович.

– Кого? – испуганно спросила Вера Степановна.

– Князя... Он жил в этой же гостинице...

– Боже мой, как это тяжело, – прошептала она и ушла с балкона.

Пашков не ошибся.

Карета медленно прибыла к гостинице и остановилась у подъезда. Из нее вынесли труп князя с обвязанной бинтом головой, или тем, что осталось от нее после рокового выстрела, и понесли в занимаемое им отделение в бельэтаже.

Туда же прошли и полицейские, а вскоре прибыли и судебные власти.

Весь отель заволновался при известии, что привезли труп "счастливого князя", и толпа народа наполнила коридор, куда выходили двери занимаемого покойным отделения.

В толпе шли оживленные толки. Недоумевали о причинах такой развязки, строили предположения, одно другого невероятнее, одно другого фантастичнее.

С печальной улыбкой слушал эти толки и доктор Пашков, также спустившийся вниз и даже, ввиду его тоже русского происхождения, допущенный в апартаменты князя Чичивадзе.

Он, Осип Федорович, один, быть может, знал настоящую причину самоубийства "счастливого князя", но он молчал и вскоре вернулся в свой номер.

– Ну что, как? – спросила его тревожно Вера Степановна.

– Ничего, раскрыл себе череп так, что узнать в нем красавца нельзя, – сказал Пашков. В его голосе прозвучала, видимо, независимо от его воли, злобная нота.

Это не укрылось от его жены.

Она укоризненно покачала головой.

– Ося, стыдно... Ведь он мертвый.

Осип Федорович на минуту сконфуженно замялся, но потом произнес сквозь зубы:

– Но ведь и та... тоже умерла...

– Ты все ее любишь... – чуть слышно прошептала Вера Степановна.

В этом шепоте слышалась невыразимая душевная боль. Сказав это, она тихо отошла и медленно опустилась в кресло. Пашков бросился к ней.

– Что за мысли, моя дорогая, ты знаешь, что я с корнем вырвал это мое мимолетное прошлое и вернулся к тебе тем же верным и любящим, как в первые годы нашего супружества... Этот человек... его смерть... всколыхнула лишь то, что умерло ранее не только чем он, но и чем она...

Он обнял жену и посмотрел в глаза своими добрыми, честными глазами.

Она не устояла и потянулась к нему губами. Он запечатлел на них горячий поцелуй.

– Завтра же едем в Россию, – сказал он.

– Вот и отлично... А то признаться, я соскучилась...

– По ком? По родине?

– Вообще, да и по... Тамаре...

– Ты ангел... Но она в надежных руках... – окинул он жену восторженным и вместе благодарным взглядом.

– Все-таки...

В это время в дверь номера раздался стук.

– Entres, – произнес Осип Федорович, отходя от жены. Дверь отворилась и на пороге появился лакей.

– Вам посыльный еще утром доставил это письмо.

– Почему же вы доставили мне его только вечером?

– Виноват сменившийся утром швейцар... Он позабыл... Хозяин уже сделал ему выговор.

Пашков взял с подноса письмо, взглянул на адрес и побледнел.

– Хорошо, ступайте, – кивнул он лакею. Тот вышел.

– Что с тобой, Ося? – спросила Вера Степановна.

– Ничего, голубчик, мне только странно... Кто мог бы это писать? Адрес написан и по-русски, и по-французски.

– Мало ли здесь русских... Может быть, кто-нибудь из знакомых...

– Конечно, конечно! – проговорил Осип Федорович, вертя в руках запечатанный конверт, как бы не решаясь вскрыть его.

– Распечатай же! – нетерпеливо сказала Вера Степановна. Пашков раскрыл конверт, развернул письмо и стал читать.

Свет уже зажженной во время его отсутствия из номера лампы под палевым шелковым абажуром падал ему прямо в лицо, выдавая малейшее движение черт.

Вера Степановна не спускала глаз с мужа.

Письмо было, видимо, настолько интересно, что Осип Федорович читал его с особенным вниманием. Его щеки то покрывались смертельной бледностью, то вспыхивали ярким румянцем, капли холодного пота выступили на лбу и наконец глаза его наполнились слезами.

Он усиленно заморгал, чтобы скрыть этих невольных свидетелей его волнения, и сложил письмо, внутри которого было еще несколько записок.

Но от Веры Степановны не укрылись слезы мужа.

– Ты плачешь, Ося?

Он ответил не сразу, все еще как-будто находясь под впечатлением прочитанного письма.

Вера Степановна повторила вопрос.

– Если хочешь знать правду, да, плачу...

– О чем, и от кого это письмо?

– О том, что мне действительно стыдно перед ним... Ты права...

– Перед кем?

– Перед покойным князем.

– Так это от него? – с дрожью в голосе сказала она. Вместо ответа Осип Федорович подал ей письмо, вынул вложенные в него листочки и бережно уложил их в карман пиджака.

Вера Степановна стала читать.

Рука, державшая письмо, по мере чтения все сильнее и сильнее дрожала; когда же она дочитала его до конца, то из глаз ее брызнули слезы.

– Несчастный! Он действительно любил ее! – воскликнула она. – Ты прав, Ося, сказав: "Как знать".

III

На балу

Был очень редкий в Петербурге холодный январский вечер 1890 года. За окнами завывал ветер и крутил крупные снежные хлопья, покрывшие уже с утра весь город белым саваном, несмотря на энергичную за целый день работу дворников.

Осип Федорович Пашков сидел в своем кабинете и, подвинув кресло поближе к пылавшему камину, с интересом читал какую-то статью в иностранном медицинском журнале.

Он так углубился в чтение, что невольно вздрогнул, обернувшись на шум отворившейся двери.

На пороге стояла его жена.

Видимо, не совсем довольный ее приходом в ту минуту, когда он был занят, Осип Федорович резко осведомился, что ей нужно.

– Я пришла спросить, не выпьешь ли ты чаю перед тем, как уедешь?

Обезоруженный ее тоном и взглядом ее милых темных глаз, он тотчас же раскаялся в своей резкости.

– Я с удовольствием напьюсь чаю, так как поеду не раньше одиннадцати, – ответил он, – дай мне окончить статью, Верочка, и я сейчас приду к тебе.

Она вышла, а через десять минут он вошел в столовую и застал Веру Степановну уже за самоваром.

Сидя в теплой комнате, за стаканом горячего чаю, в обществе маленькой, хорошенькой женки и прислушиваясь к разбушевавшейся за окном погоде, он был очень недоволен, когда часы показывали ему, что пора одеваться.

Не ехать было нельзя. Еще за неделю до сегодняшнего дня он был приглашен на большой бал, даваемый сенатором Гоголицыным в день своей серебряной свадьбы.

Вера Степановна тоже получила приглашение, но отказалась по случаю болезни сына, которого и вообще-то, не только больного, не любила доверять нянькам.

Одетый в фракную пару и готовый уже к отъезду, Осип Федорович зашел в детскую и заглянул в люльку, где спал малютка.

– Будь совершенно покойна, Вера, – сказал он жене, с тревогой глядевшей ему в глаза, – ему гораздо лучше – жар почти совсем спал.

– Карета подана, барин! – доложил лакей, и он, распростившись с женой, уехал.

Через четверть часа Осип Федорович уже входил в ярко освещенный бальный зал дома Гоголицыных, с трудом отыскал хозяев, поздоровался с ними и, выслушав их искреннее сожаление об отсутствии его жены, встал в дверях и окинул взглядом зал, ища знакомых.

В нескольких шагах от него стояла миловидная молодая девушка – Любовь Сергеевна Гоголицына, старшая дочь сенатора. Она весело болтала с двумя конногвардейцами и несколькими штатскими. Тут же сидели две роскошно одетые дамы и бесцеремонно лорнировали ее розовый легкий туалет.

Мимо бесконечной вереницей проходили молодые женщины под руку с кавалерами, обдавая Пашкова запахом разнообразных тонких духов.

Заиграли вальс.

Любовь Сергеевна сделала движение своими обнаженными худенькими плечиками в такт музыке и этим ясно выразила желание танцевать, что стоявший рядом кавалер, поняв это движение, с улыбкой пригласил ее.

Через минуту она пронеслась мимо Осипа Федоровича с блестящими детскою радостью глазами и со счастливой улыбкой на лице. Разговаривавшие с ней офицеры подвинулись ближе к Пашкову, чтобы не мешать танцующим.

– Премиленькая девочка, – заметил один из них, – только еще совсем ребенок.

– Да... конечно... Где ей, например, равняться с баронессой фон Армфельдт.

– А что, Пьер, здесь она сегодня?

– Нет, я, по крайней мере, не видал ее; впрочем, она всегда приезжает очень поздно.

– А красивая она баба, – проговорил первый, – теперь редко такую встретишь.

– Я видел, как ты ухаживал за ней вчера у Талицких по всем правилам искусства.

– Да что толку, братец, – комически и печальным тоном ответил ему товарищ, – никакие ухаживания не помогут, когда здесь не очень густо!

Он хлопнул себя по боковому карману.

– Разве она такая? – удивился Пьер. Тот только слегка присвистнул.

– Да ты, я вижу, мало знаешь женщин вообще, а ее в особенности.

– А что?

– А то, что иначе ей незачем было выходить замуж за такое старое чучело, каким был покойный барон Армфельдт. Он ей оставил около двухсот тысяч.

– Только-то? Я думал, что он был гораздо богаче.

– И того достаточно. Ведь они жили так, что чертям было тошно, да говорят иногда он ей отваливал громадные куши на всевозможные прихоти. Под конец жизни он стал, впрочем, гораздо скупее, и между ними был полный разлад. Потом, – тут молодой человек понизил голос, так что Осип Федорович, заинтересованный этою историею, напряг слух, чтобы расслышать его слова, – ты, вероятно, слышал, Пьер, говорили, будто бы старик умер не своею смертию.

– Ужели ты думаешь, что она?.. – тем же пониженным шепотом спросил собеседник.

– Может, и она, уж я там не знаю... Смотри, она прибыла и идет под руку с графом Шидловским! – живо прервал себя рассказчик и обернулся к дверям направо.

Осип Федорович услышал около себя шепот: "Армфельдт приехала" и видел, как все головы повернулись в одну сторону.

По залу шла высокая, стройная женщина. Замечательная белизна кожи и тонкие черты лица, роскошные золотисто-пепельные волосы и зеленоватые глаза под темными бровями – таков был в общих чертах портрет баронессы фон Армфельдт.

На ней было надето белое бархатное платье с низко вырезанным лифом, обнажавшим поразительной красоты и пластичности шею и плечи.

Несмотря на то, что рука ее опиралась на руку шедшего с нею рядом молодого человека, казалось, будто не он, но она вела его.

Самоуверенный, почти надменный взгляд и величественная походка красноречиво говорили, что эта женщина не нуждается в чьей-либо поддержке, но вместе с тем – что в особенности и поразило в ней Пашкова – глаза ее принимали иногда такое наивно-милое выражение, а лицо освещалось такой простодушной улыбкой, что несмотря на ее двадцать пять лет, оно делалось лицом ребенка или скорее ангела, слетевшего с небес, чтобы озарить землю своим присутствием.

Смотря на этот чистый, юный облик, Осип Федорович припоминал слышанный им разговор и готов был поклясться, что это прелестное существо не способно не только на преступление, которое ей приписывали, но даже ни на какой мало-мальски дурной поступок.

Через минуту по ее появлению, она была окружена мужчинами.

Не отрывая от нее глаз, Пашков заметил, что несмотря на расточаемые ею направо и налево улыбки, она отдавала явное предпочтение вошедшему с ней молодому человеку.

Это был граф Виктор Александрович Шидловский, красивый брюнет, почти мальчик, по-видимому, страстно влюбленный в красавицу.

Осип Федорович следил за каждым ее движением. Он видел, как она встала и, положив свою мраморную руку на плечо графа Шидловского, закружилась в вальсе.

Она пронеслась мимо Осипа Федоровича, ее шлейф скользнул по его ногам, и одуряющий запах духов, как крепкое вино, ударил ему в голову.

IV

Опьянение страстью

Странные, незнакомые ему до сих пор ощущения переживал Осип Федорович в присутствии этой очаровательной женщины.

Глядя на нее, он чувствовал, что почти лишается свободы воли, и кроме того, по его телу разливалась какая-то сладкая истома, лишаящая сил, в виски стучала приливавшая к голове кровь, по позвоночнику то и дело как бы пробегала электрическая искра и ударяла в нижнюю часть затылка.

Это были ощущения чисто физические, но до такой степени парализовавшие ум, что Пашков стоял, как окаменелый.

Он ничего и никого не видел, кроме баронессы.

Ему показалось, что он в первый раз в жизни видит женщину.

Несмотря на его зрелый возраст, это было так.

Немногим из нас и, может быть, к счастью, удастся встретить женщину, хотя мы влюбляемся, ухаживаем, обладаем разнополюсными нам существами, женимся, но женщины в полном значении этого слова, со всеми ее хорошими и дурными, в общем, соблазнительными качествами, встретить иногда, повторяем, не удастся во всю жизнь.

Встреча с женщиной в полном, быть может, низменном значении этого слова охватывает всего человека, она мчит его, как налетевший ураган, туда, куда хочет, без сознания, без воли и, пожалуй, без цели, так как цель – это сама она, наполняющая все существо мужчины.

Это-то и случилось с Осипом Федоровичем, женившимся года три тому назад по любви и, как ему по крайней мере казалось, безумно любившим свою жену.

Не увлекавшийся серьезно в молодости – если не считать мимолетные интрижки студента – он думал, что он принес жене все сокровище чистой нетронутой любви, весь пыл молодой страсти.

Он ошибался в последнем – страсти он не знал, она охватила его впервые здесь, на балу у Гоголицыных, при виде этого невиданного им до сих пор существа – женщины.

У Осипа Федоровича явилось безумное, непреодолимое желание быть ей представленным.

Мимо него проходил один из его приятелей, доктор Столетов, и он, схватив его за руку, спросил, не знает ли он баронессы фон Армфельдт.

– И вы туда же, – проговорил он. – Извольте, я вас представлю, я знаком с баронессой. Но, мой друг, ваше желание безрассудно: эти русалочки глаза погубили не одного смертного!

В ответ на его слова Осип Федорович нетерпеливо попросил его подойти к белокурой красавице, только что окончившей вальсировать.

Столетов подошел к ней и, сказав ей что-то, указал глазами в сторону Пашкова.

Молодая женщина пристально взглянула на него и, спросив что-то в свою очередь, сделала утвердительный знак головой.

Через минуту Осип Федорович стоял перед ней и любовался вблизи этим чудным лицом. Назвав Пашкова, Столетов удалился.

Осип Федорович сел на стул рядом с баронессой и несколько смутился, увидев, что ее зеленые глаза внимательно смотрят на него.

Заметив его полусмущенный, полувопросительный взгляд, она улыбнулась.

– Не удивляйтесь моему любопытству, я так много хорошего слышала о вас, что сама давно желала с вами познакомиться.

Ее голос с мягкими, низкими нотами приятно действовал на нервы своей доводящей до истомы мелодией.

Пашков молчал, чтобы слышать дальше звук этого голоса.

– Я не понимаю, почему я до сих пор нигде с вами не встречалась, – продолжала она. – Вот уже два года, как я безвыездно живу в Петербурге.

– Это не удивительно, баронесса, – сказал он, – я очень редко выезжаю в свет, и мне трудно было вас встретить.

– Да, конечно, вы деловой человек, – заметила уже серьезно она, – не то, что мы, грешные, превращаем день в ночь и наоборот, бросаемся с одного вечера на другой и не знаем чем и как убить время, полное праздного досуга.

Что-то странное в тоне ее голоса заставило его спросить ее:

– Вы не любите выезжать, баронесса?

Она задумчиво взглянула на него.

– Право не знаю. Я думаю, что это я делаю по привычке, потому что так делают другие, сама же я уже давно потеряла интерес к подобным удовольствиям, я гораздо более...

Ее прервал гусар, просивший ее на вальс.

Она взглянула на Осипа Федоровича, как бы говоря: "вы видите, я должна танцевать", и грациозно положила руку на плечо своего кавалера.

Когда она опять очутилась около Пашкова, за ее стулом уже стоял новый кавалер.

Она сделала нетерпеливое движение, но не отказала и ему.

На этот раз, окончив танец, она остановилась против Осипа Федоровича и, слегка запыхавшись, сказала:

– Здесь мне не дадут покоя, пойдемте в гостиную, мне хочется поболтать с вами.

Удивленный и обрадованный таким неожиданным вниманием, он поспешил подать ей руку и с невольным чувством гордости повел ее в соседнюю комнату.

Завистливые и ревнивые взгляды провожали их.

У самых дверей гостиной к баронессе подошел граф Шидловский.

– Вы обещали мне эту кадрили, Тамара Викентьевна, надеюсь, вы не забыли? – проговорил он, бросая на Осипа Федоровича недовольный взгляд.

– Я не забыла, граф, но тем не менее танцевать не буду, я очень устала и хочу отдохнуть.

Молодой человек слегка побледнел и, поклонившись, отошел, а она поспешно увлекла Пашкова из залы.

– Наконец-то я спасена, – засмеялась она, бросаясь на маленький диванчик, стоявший в углу и полускрытый трельяжем, – надеюсь, меня здесь не скоро отыщут!

– Бедный граф, он, кажется, был очень огорчен вашим отказом, – сказал Осип Федорович, садясь, по ее приглашению, рядом с нею.

– О, он должен привыкнуть к моему обращению. Я никогда не церемонюсь с молодежью. Но довольно об этом! Скажите лучше, мне это очень интересно знать, слышали вы что-нибудь обо мне раньше нашего знакомства?

Он был смущен ее вопросом: сказать ей то, что он только что сейчас слышал, было невозможно, не говорить ничего было невежливо.

– Станный вопрос, баронесса, – уклончиво отвечал он, – вы знаете, что вы слишком заметны, чтобы о вас не говорили.

Она усмехнулась.

– Не правда ли, я так хороша собой, что каждый считает долгом делать обо мне свои замечания?

Ее слова и горько-насмешливый тон поразили Осипа Федоровича.

– Вы жалуетесь на свою наружность, баронесса?

– О, нет! – точно испугалась она и сейчас же рассмеялась: – Этого я не могу сказать.

Лицо ее приняло спокойно-простодушное выражение.

– Вы удивляетесь моей самоуверенности? Но я нахожу глупым отрицать то, что очевидно. Что может быть смешнее, когда на самом деле красивая женщина в ответ на комплименты наивно отвечает: "Ах, что вы говорите, во мне нет ничего красивого".

Пашков молча любовался ею.

– Я сама не люблю комплиментов, потому во-первых, что они слишком банальны, а во-вторых потому, что нахожу совершенно лишним выслушивать то, что сама давным-давно знаю.

Эта женщина решительно ставила в тупик Осипа Федоровича. Что мог он ей ответить после подобных заявлений?

Выражение лица ее постоянно менялось и тон переходил из веселого в грустный и наоборот.

– Посмотрите на бедного графа, – вдруг засмеялась она, – вон он стоит у дверей с таким лицом, как будто его приговорили к смертной казни.

– И вы чувствуете, что виной тому вы! – улыбнулся Пашков.

– О, я не чувствую угрызения совести! – весело проговорила она. – Посмотрите, он сейчас будет другим.

С этими словами она встала и, подойдя к молодому человеку, спросила:

– Что с вами, граф? Смотря на вас, мне делается страшно обратиться к вам с просьбой проводить меня сегодня домой.

Лицо Виктора Александровича просияло. Он что-то тихо, вполголоса спросил ее и на ее утвердительный знак головою весь вспыхнул и, наклонившись, поцеловал ее руку.

Она вернулась к Осипу Федоровичу с каким-то грустным выражением лица и пожаловалась на нездоровье. Пашков смотрел на ее склоненную голову, любясь классическим очертанием ее профиля и затылка.

– Вы не танцуете? – внезапно обратилась она к нему.

– Нет, давно бросил!

– Бросили, отчего же?

– Мне тридцать пять лет, баронесса, пора и кончить, – весело сказал он, – да и времени нет этим заниматься, как я вам уже говорил, на таких вечерах мне приходится быть раз или два в год.

– Очень жаль, потому что я сейчас иду в зал, иначе мои поклонники Бог знает что подумают.

– Но вы ведь чувствуете себя нездоровой?

– Ничего, мое нездоровье следует лечить танцами и шампанским!

Она загадочно посмотрела на него своими зелеными глазами и медленно вышла из гостиной.

"Что за странное, но очаровательное создание!" – подумал Пашков и последовал за нею, чтобы хоть издали, смотреть на нее.

Весь вечер она танцевала без устали; при этом на ее белом, матовом лице не выступило ни малейшего румянца, только глаза разгорелись и покраснели губы.

За ужином она поместилась между графом Шидловским и каким-то генералом.

Осип Федорович сидел наискось от нее и вслушивался в ее веселый, громкий разговор.

Она несколько раз взглядывала и улыбалась, показывая мелкие жемчужные зубы, и в то время, когда у него кружилась голова от этих взглядов, она спокойно обращалась к своим соседям и звонко хохотала над их ответами.

После ужина она подошла к Пашкову.

– У меня вечера по пятницам, господин доктор, прошу не забывать этого и уделить мне хоть один вечер в неделю, – шутливо грозя ему пальцем, проговорила она, – слышите, приезжайте послезавтра ко мне, а пока до свидания.

Она пожала ему руку и исчезла, а он отправился в этот вечер домой в состоянии как бы сильного опьянения, хотя почти не пил вина.

Это было опьянение страстью.

V Портрет

Вернувшись домой, Осип Федорович, обдумав свое поведение за истекший вечер, ужаснулся сам своего увлечения и решил не идти к баронессе. Он старался всеми силами забыть ее соблазнительный образ, с такою ясностью восставший перед его умственными очами.

Он провел весь следующий вечер с женой и ребенком.

Отвечая на ласки первой, слушая лепет второго, он думал вычеркнуть из памяти зеленые глаза, так настойчиво преследовавшие его и день и ночь.

Он не понимал, увы, что борьба с этим роковым увлечением невозможна, что его могут спасти только обстоятельства, лежащие вне его власти, что сам он не только совершенно бессилен, но носит в самом себе залог победы над собой этой женщины, и никуда ему не уйти от нее.

Встреча с ней – одна из тех роковых встреч, которые на первый взгляд необъяснимы, которые чувствуются, но не понимаются.

Представители человеческого рода, сравнительно с другими представителями одного вида животного царства, однообразны: они отличаются цветом волос, оттенками кожи, чертами лица, но для поверхностного наблюдателя это слишком незначительные отличия, а потому на первый взгляд кажется, что все люди одинаковы, по крайней мере по строению их тела, независимо от деталей.

А между тем нет ничего разнообразнее человеческого рода и искания "сродных душ", как говорили в былые времена поэты, было так затруднительно, как открытие секрета делать золото.

А между тем эти родные, если не души, то тела, существуют – люди знали об этом в глубокой древности.

Существует греческая легенда о Девкалионе и его жене Пирре, которые, спасшись от всемирного потопа с небольшим количеством людских пар, стали рубить их пополам: Девкалион – мужчин, а Пирра – женщин и разбрасывать обе половины в разные стороны. Из каждой половины потом образовался отдельный мужчина и женщина.

Легенда о создании Евы из ребра Адама указывает тоже на это родство тела.

Французы называют это родством кожи. "Ma peau sent ta peau", говорят они, что означает, что моя кожа чувствует твою кожу.

Быть может, и на самом деле родство это существует в пигментах кожи, издающих особый запах, если не неуловимый, то сознаваемый человеческим обонянием.

Мы с развитием разума утратили чутье животных.

Этим последним объясняется, что это родство тел мы узнаем по глазам.

Бывают случаи, когда двое, обменявшись лишь взглядами, чувствуют себя более знакомыми, нежели люди, прожившие в течении нескольких лет под одною кровлею.

Таким образом, "красноречие взоров" и взгляды, "проникающие в душу", не есть одни лишь создания фантазии наших поэтов.

Полное родство, повторяем, встречается редко, но вполне и поработщает.

Осип Федорович был поработчен.

Недаром глаза Тамары фон Армфельдт и день и ночь стояли перед ним.

В пятницу, сидя за обедом с Верой, он твердо решился остаться дома, но когда пробило девять часов и Осип Федорович представил себе возможность сейчас услышать голос, который не переставал звучать в его ушах, он внезапно поднялся с места, оделся и уехал.

На удивленный вопрос жены: "Куда он едет?" – он торопливо ответил, что на вечере у Гоголицыных сделал новое знакомство и его непременно просили быть сегодня.

Он не назвал фамилии, не сказал, что едет к женщине, у которой нет мужа и у которой, следовательно, ему делать нечего, он уклонился от всяких объяснений и почти убежал из дома, сгораемый только одним желанием, очутиться как можно скорее вблизи Тамары фон Армфельдт.

С бьющимся, как у двадцатилетнего влюбленного, сердцем он переступил порог ее гостиной.

Заметив его, хозяйка дома прервала разговор с каким-то старичком и медленно пошла к нему навстречу.

Неприятно подействовала на него холодная, торжественная улыбка, появившаяся на ее губах.

Но это было только на один миг, лицо ее приняло обыкновенное, милое выражение, и она тоном совершенно искреннего радушия воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.